

Надежда Васильева
Блаженны кроткие

Надежда Васильева

Блаженны кроткие. Повесть

«Издательские решения»

Васильева Н. Б.

Блаженны кроткие. Повесть / Н. Б. Васильева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906680-0

«Блаженны кроткие» — повесть из трилогии под названием «Когда ангелы поют», которая вошла в финал Международной Бунинской премии в 2013 году. Главная героиня, заместитель директора текстильной фабрики — личность серьёзная, противоречивая, целеустремлённая. На её долю выпадает много испытаний, которые заставляют переосмыслить свои жизненные взгляды. Дорога к Храму души у каждого своя, порой очень нелёгкая, выстраданная, и от того ещё более осознанная и необходимая.

ISBN 978-5-44-906680-0

© Васильева Н. Б.
© Издательские решения

Блаженны кроткие Повесть

Надежда Борисовна Васильева

*Так, не из праха выходит горе.
И не из земли вырастает беда:
Но человек рождается на страдание,
Как искры, чтоб устремляться вверх.*
(Библия. Книга Иова. Глава 5)

© Надежда Борисовна Васильева, 2018

ISBN 978-5-4490-6680-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хуже нет сидеть за праздничным столом напротив зеркала. А ей вечно «везёт» в этом плане. Поначалу ещё ничего, так сказать, «чистишь пёрышки» и, любуясь собой, мысленно спрашиваешь: «Свет мой, зеркальце, скажи...» А вот потом... Такое чувство, будто кто подглядывает за тобой со стороны. Но хуже всего – наутро. Хочется забыть вчерашнее, только где там... Зеркальные отражения всплывают в памяти одно за другим. Мусолишь каждый свой жест, каждый поворот головы, каждое сказанное слово. Все кажется фальшивым. Даже зло берёт. Тьфу! Хватит самоедством заниматься! Что в том проку? Каялась муха... В конце концов, не пьяница какая-нибудь! Главный инженер, второе лицо на фабрике. Часто расслабляться не приходится. Только в отпуске... Да и если разобраться, что вчера худого-то было?

Её приезд совпал с открытием летнего сезона. Зятёк, Анатолий, – начальник авиаотделения лесной охраны. Сестра, Наталья, собрала стол. Пригласили в гости экипаж: командир звена, пилот, бортмеханик. Ребята все как один «грузочки»! В праздничных белых рубашечках, с золотыми пуговицами. Давно в такой компании не гуляла. Поохотали, песен попели, поплясали... Что тут такого? Разошлись, правда, поздновато... Над взлётной полосой уж стало подниматься красное заспанное солнце. От томных лучей его зарозовел даже серый асфальт. Над лугами зависла капроновая фата тумана. Какими бы хмельными ни были, а красоту вниманием не обошли. Защёлкали языками, поддразнивая соловьев. Что ни говори, а любит она к сестре приезжать! Живёт та с мужем в пяти километрах от небольшого районного городка, в аэропорту. Можно сказать, на хуторе, где всего четыре дома крестом: отделение, жильё сторожа, диспетчера да хибарка для приезжих пилотов. Утром проснёшься – рябина в окно веранды веткой стучит. А сразу за домами – берёзовая аллея. Утречком шутя подберезовиков на суп насобираешь. За аллеей холмистые поля, пёстрые от цветов. И ромашки, и мяты, и зверобоя на зиму можно засушить. Зятёк в честь её приезда чуть не каждый день баню топит. Золотой мужик – что тут еще скажешь... Повезло Наталье. Не зря цветёт вся.

Люба встала с постели, набросила на себя халат, прошла в кухню. В спальню сестры дверь была прикрыта. Кажется, спят ещё. На столах всё прибрано, посуда намыта. Когда и успели? Вот только воды в доме нет, а пить страсть как хочется. Взяла ведро и вышла на крыльцо. Господи! День-то какой! На небе ни облачка. Каждый цветок у крыльца голову к солнцу тянет. Пчёлы жужжат. И ни души кругом! И все бы хорошо, да совесть замучила: зачем вчера опять сестру обидела? Зачем, зачем? Кабы знать – зачем? Стихия, матушка! Да и за жизнь свою вдруг стало обидно. Сестра, хоть и младшая, а во всем обскакала. Языки иностранные преподаёт, рассказы пишет. Всё при ней. Поёт, пляшет – в мать пошла! Рада, конечно, за Наталью. А душу

нет-нет, да и начнет точить какой-то червячок. Почему ей-то так в жизни не везёт? Шесть лет с мужем в разводе, одна как перст. И на работе чёрт-те что... Целый год фабрика на простое. Дочка – студентка, в медицинском институте учится. Спасибо, бывший иногда помогает, а то на что бы им жить? К сестре приехать – и то проблема. Последнее время совсем редко встречаться стали.

Конечно, они с сестрой очень разные. Внешне-то она, Люба, может, и поярче Натальи. И ростом повыше, и лицом интереснее, и фигурой Бог не обидел. Сестра же маленькая, пухленькая, вроде ничего в ней особенного, а вот умеет к себе людей расположить. Как взяла вчера гитару да как стала выводить, спокойно, красиво, мамину любимую:

– И-иизвела-а меня-а-а кручи-на, по-одколо-о-одная-а-а змея-а! До-о-гора-а-ай, гори, моя лучи-и-на, до-о-горю-у с тобо-о-ой и я-а!

Голос сочный, зычный, с переливами. Сама так и светится вся. Пилоты с неё глаз не сводят. Любу забрало: она ведь тоже петь любит, да вот со слухом нелады. Не справиться ей с такими тягучими песнями. Наталья ведь знает... Зачем завела?.. Взяла да и оборвала сестру:

– Ну, затянула! Смени пластинку. Любишь ты, Наташка, на людей тоску нагонять.

Та виновато улыбнулась и отложила в сторону гитару. Всем неловко стало. Хорошо, тут кто-то из пилотов находчиво предложил тост за прекрасных дам. Все снова оживились, хмельное веселье вошло в свое русло.

Залоскотала колодезная цепь. Заскрипел, раскручиваясь, деревянный барабан. Плюхнулось в воду железное ведро. Задрожали на зыбкой поверхности воды мелкие блики.

И что её вечно как бес подзуживает?! Не хотела ведь вчера на ссору заводиться... Пока гости не ушли, так всё хорошо было... А потом опять полезли обиды: на всех и на вся, за всю свою неудачливую жизнь. Захлестнула непрошенная жалость, не к кому-нибудь, самой себе. И принялась душить: до боли, до крика, до слёз! А тут ещё Наталья принялась в душу смуту сеять, на чувства давить, мол, не держи ты на мужа своего обиду, может, стоит тот грех простить? Вот даёт! Простить измену?! Легко ей говорить. Посмотрела бы на него сейчас. Да он ведь скоро деградирует совсем. Каждый день уж бутылка нужна. Делами, конечно, ворочает. Магазины свои имеет, любовницу одел с ног до головы. У той запросы о-го-го! И плевать, что пьёт каждый день. Обопьётся – туда и дорога. Не он первый, не он последний. Уже четырех мужиков сменила! Это ей, Любе, нужно было переживать за него да ругаться до изнеможения. Потому что любила. Хотя почему любила? Разве не любит сейчас? Что себе-то лукавить? Но чтобы простить – никогда! Придумала сестрица тоже... Как у неё язык-то повернулся?!

Так разошлась вчера – не остановиться. А зеркало тут как тут. Глянула – в ужас пришла. Неужели я?! Видок такой – хоть на метлу садись. До того взгляд тяжелый, аж самой не по себе стало. А бесу всё неймётся. Словно нашёптывает: кто из нас красив во гневе да одержимости своей? Может, Наталья, когда на сына раскричится? Или мама-покойница, когда начинала, бывало, отца из-за водки костить? Стоило тому за рюмку взяться – так взглянет... Да только разве его взглядом остановишь? Знай, заглывает, только кадык взад-вперед ходит. Хоть кол на голове теши... «У, змей! Подавишься своей водкой когда-нибудь!» Не успеет мать это сказать – он тут же и закашляется. «Ы-ы-ы-ы!» Ни вздохнуть ни охнуть. Посинеет весь. Она давай его кулаком по спине колотить: «Так тебе, ирод, и надо! Бог шельму метит!» Отойдёт отец, головой качает: «Ну, Верка, и глаз у тебя худой! Ей-Богу, ведьма ты!» Ведьма – не ведьма, а было что-то у мамы такое и, видно, ей, Любе, передалось – сама временами замечать стала: о чем ни подумает – всё сбывается. Порой даже жутко, потому как мысли все чаще тревожные да безрадостные. И какого уж от них добра ждать? Вот, к примеру, подписывают контракт – шевельнётся в мозгу: не будет от него толку. Смотришь – заporоли дело: и лекала не те, и ткань поступила с браком... Бывает, познакомится дочь с парнем – а у неё мелькнёт в голове: «Фу какой! Не пара!» И опять дочь сидит все выходные дома. Или вспомнит отца: как-то он там? В тот же день от него звонок, а то и в дверях появится.

Мелкими глотками попила воды. Такая холодная – зубы сводит. Зато на душу прямо-таки бальзамом ложится, сразу легче... Наклонила ведро, плеснула на лицо, грудь. Ой, хорошо-о!.. Чем бы заняться? Да так, чтоб на воздухе... Грядки прополоть, что ли? И то правда! Давненько уж в земле не копалась... Надела купальник – и в огород. Хоть в работе немного забыться. Только где там! Мысли как осы, так душу и жалят, спасу нет! Ведь и про отца вчера тоже разговор зашёл... Написал Наталье, что жить больше со второй семьёй не может. Дескать, хоть и прошло уж тринадцать лет, а всё ему здесь чуждо. Мол, тетя Зоя, чуть что не по ней, вон гонит.

Любу прямо-таки затрясло. Кто его жениться заставлял?! Перед смертью мамы нюни распустил: «Не станет её – и я с собой покончу». А сам на девятый день в санаторий укатил. Через три месяца женился. Ну а живут плохо оттого, что пьёт. Бросил бы пить – все проблемы разом отпали. Попробуй-ка его, трезвого, хоть словом тронь. И труженик какой! За что ни возьмётся – всё в руках горит. Что в землю ни воткнёт – всё в рост идёт. Пока не «принял» – каждая минута на учёте. А выпьет, раскиснет – смотреть противно. Тётя Зоя не мама. Да и понять можно: зачем ей жизнь такая на старости лет? Вот выгонит вон – будет знать.

Подумала, а у самой сердце дрогнуло. Что как и правда? Куда ему деться? С ними жить? Упаси Боже! Она и мысли такой не допускала! Тяжёлый человек. Пьяный – одним видом своим раздражает. Трезвый – все его раздражают. Третьего не дано. И жалко, и всё внутри бунтует. Что заслужил – то пусть и получит!

С какой-то злостью выдёргивала сорняки и кидала их в междурядье. Вот так им, вот так! При этом ещё изо всех сил шлёпала себя грязными руками по голому телу. Проклятые комары! Заели совсем, никуда от них не деться.

Скрипнула входная дверь. На крыльцо вышла Наталья.

– Эй, сестрица! Ты что там, трудовую повинность отработываешь? В отпуск приехала, не батрачить на нас. Брось ты всё это к чёрту! Нашла время... Иди чай пить. С лимончиком, с пирожками...

И от сердца сразу отлегло. Слава Богу, не обиделась. Умница, всё правильно понимает... Нашла на грядке несколько спелых клубничин. Две съела сама, а другие две осторожно зажала в горстку, понесла сестре. Всё по-честному, всё поровну, как в детстве... А у самой от нахлынувших вдруг чувств перехватило горло. И застлало глаза. Ну, мать, никак в сантименты впала? Не иначе – похмельный синдром. А ну-ка возьми себя в руки...

Вздохнула всей грудью. И почему ей так трудно жить? Словно тянет всю жизнь на себе какую-то непосильную ношу. Знать бы, кто взвалил на неё этот груз. Стоит расслабиться, глотнуть радости, пропустить рюмку, другую – наваливается чувство какой-то вины. И что самое страшное – даже во сне нет покоя. Другие летают в сновидениях, а тут проснёшься – вся в поту, словно черти на тебе дрова возили... Решила сны не запоминать. Вскочит – и с головой под прохладный душ. Все кошмары – как рукой!

У Натальи дом без удобств, речки тоже рядом нет, не окунёшься. А сон очередной так и засел в голове. Будто смотрит она в большое тёмное зеркало, но видит в нем не своё отражение, а мужчину с голубыми глазами. И какая-то сила притягивает их друг к другу. Лицо его всё ближе, ближе... И вдруг – бац! – зеркало вдребезги. Она плачет, ползает по полу, собирает разбитые кусочки...

На веранде задымил старый угольный самовар. Грел его Анатолий сухими шишками. Разносился запах мёда и мяты. Благодать-то какая! Так почему же в сердце-то нет радости? Откуда эта постоянная тревога? Как избавиться от недобрых предчувствий? Куда деться от этого напора тяжёлых давящих мыслей?..

...В салоне маленького патрульного вертолёта было настолько душно, что даже бьющиеся изнутри в стеклянную дверь слепни теперь осоловели и еле передвигали мохнатыми лап-

ками. Люба открыла задвижки иллюминатора. От свиста винтов закладывало уши, но дышать стало легче. Она делала бумажные самолетики и пускала их в окно. Только тогда начинала ощущаться скорость. Стоило поднести самолетик к оконцу, как он вырывался из рук и, подхваченный неистовым потоком воздуха, стремительно нёсся назад от вертолета, выделявая такие виражи, что и взглядом уследить трудно. И лишь потом, выбравшись, наконец, из этой дьявольской круговерти, спокойно и медленно планировал вниз. Почему-то вдруг пришло в голову, что и все они, люди, в этой жизни чем-то похожи на такие вот бумажные самолетики: куда-то рвутся из праведных рук, дергаются, мечутся, истязая себя суетой. А ведь можно просто парить в свободном полете, красиво и достойно.

Внизу было всё как на карте: синие полосы рек, тёмные лужицы озер, ковровый ворс болот, щетина вековых еловых дебрей, по которой прыгала бесплотная тень их вертолета. На память пришла где-то вычитанная фраза: «Нам только кажется, что мы движемся вперед, на самом деле мы стремительно уходим в прошлое».

Украдкой взглянула на отца Серафима, настоятеля монастыря, куда летели они сейчас на праздничную службу ко дню Святой Троицы. Ну, хоть убей, никак не верилось, что напротив неё сидит настоящий монах. В джинсовых брюках и ветровке, с модным кожаным кейсом в руках – всем обликом он никак не соответствовал своему духовному сану. Длинные, до плеч, выющиеся волосы нынче не в диковинку. Да и аккуратно подстриженная бородка – едва ли не у каждого второго. И совсем он не в её вкусе. Ей нравились мужчины эффектные, лихие, уверенные в себе, с огнем в глазах, наподобие тех пилотов, что приглашал в гости Анатолий. А в этом было что-то от подростка – ещё вчера заметила, когда появился в дверях. В простовато-крестьянских чертах лица было столько добродушия, что это даже обескураживало... Осекла себя: что к внешности-то прицепилась? Не свататься пришел... Просто знакомый Анатолия, проездом из Москвы, нужно срочно попасть на службу. У Анатолия как раз планировался дежурный облёт, есть возможность помочь духовному отцу. И они с сестрой напросились. Наталья о святом Лазаре пишет. Как было пропустить такую возможность? Да и ей когда ещё доведётся побывать в действующем монастыре?

На взлёте отец Серафим перекрестился. Улыбнулась про себя. Анатолий рассказывал, как однажды пришлось отцу Серафиму в монастырь с парашютом прыгать. С тех пор случай этот стал для всех пилотов притчей во языцех: «...Пристегнул святой отец парашют, перекрестился и, глазом не моргнув, сиганул на грешную землю».

Нет, что ни говори, а приятнейший человек. Всего один вечер послушала его, а столько для себя открыла. Казалось бы, ничего нового, всё на слуху, всё и раньше в воздухе витало, но вот до души не доходило. Сама-то Люба в разговор встревала мало. Беседу вела Наталья. У нее язык подвешен, хлебом не корми – дай до сути докопаться. Только его на лопатки не уложишь! На всё готов ответ: толковый, откровенный, убедительный. Нашим бы политикам такому поучиться! А то ведь – начинают за здоровье, а кончают за упокой. Отец же Серафим обо всём говорил спокойно, без запальчивости, без раздражения. Так бы и слушала без конца его окающий вологодский говорок. На Натальин щекопливый вопрос, есть ли среди священнослужителей нехорошие люди, искренне удивился:

– А почему нет-то? Всякие есть. Не святыми родились, из мирской жизни в храмы Божьи пришли, каждый со своими грехами.

– А как же такому довериться? – Молодец Наталья! Прямо её мысли угадала. Люба тоже над этим часто задумывалась. Где гарантия, что священник, которому исповедуешься, кристально чистый человек?

– Вам решать, кому довериться. А уж коли исповедовались, не мучьтесь сомнением. Облегчили душу – вам зачтётся. А как священник себя поведёт – его проблемы. Ему за всё перед Богом отвечать.

Только Наталье разве угомониться? До самой печёнки достанет!

– Многие нынче считают, что в церкви нуждаются люди слабые по натуре своей, а если человек имеет сильную волю, устойчивую психику, характер – зачем ему церковь? Он, дескать, и сам справится с любыми проблемами...

По лицу отца Серафима пробежала едва уловимая тень. Наступила-таки на любимую мозоль. Ну, Наталья! Против лома, говорят, нет приёма... Но ошиблась. И то, что произнёс отец Серафим в следующую минуту и как он это произнёс, – совсем возвысило его в глазах Любы.

– В этом-то и есть главное заблуждение большинства неверующих. В церковь приходят люди отнюдь не слабые, а наоборот, сильные духом. Причём приходят по-разному, к Богу у каждого дорога своя.

Любе показалось, что последнюю фразу произнёс он с какой-то грустью, будто вспомнилось ему что-то своё, причём не очень радостное. Интересно все-таки, как он-то ступил на этот путь? Но не будешь ведь в душу лезть. Хотел бы – сам рассказал. А так, и на том спасибо. И всё же не удержалась, спросила и о своем, наболевшем: почему, дескать, церковь так бичует экстрасенсов, ведь они во всём ссылаются на Бога, и ни один из них не приступит к сеансу, не прочитав перед этим молитвы.

Отец Серафим как-то болезненно поморщился.

– Гадалки, вещуньи, прорицатели... От дьявола всё это! Он на всё горазд! Может явиться и в обличье самого Иисуса Христа. Не должен человек знать свою судьбу. На всё, что уже произошло, – воля Божья, а будущее своё каждый выстраивает сам. Благополучие человека зависит от силы его Веры и от того, сколько любви и добра у него в душе.

Вертолёт дал крен и закружил над деревянным маяком. Наталья что-то крикнула ей в самое ухо, но в рокоте мотора не расслышала ни слова. Анатолий протянул через внутреннее окно фюзеляжа отцу Серафиму бинокль. Ах, вот оно что! Пролетают над каменной косой Бесова Носа. Вчера отец Серафим говорил, что ещё никогда не бывал здесь. Вот Анатолий и хочет показать ему древние петроглифы. Тень вертолета пробежала по распластавшемуся на камне бесу. Сколько уж веков тарашит свои квадратные глаза на этот мир! И что самое странное – бес-то вот он, а действующей церкви в округе ни одной не сохранилось. Только этот монастырь, и то, наверно, в силу своей отдаленности. Представить трудно, чего только не видывали его каменные стены за шесть веков. Религию взять – и то сколько всякой борьбы было. Язычество и христианство, реформа патриарха Никона... Потом и вовсе революционный крах всего святого... Слетели с плеч гордые головы куполов, низвергнуты тяжелые кресты, вырваны языки у смутьянов-колоколов... И виной всему – вечный дух противоборства. Движущая сила «в никуда».

Как-то подсунула Наталья книгу о самосожжениях староверов. Уму непостижимо! Сегодняшним днем судить – так не настолько уж и глубоким было внешнее различие между новой и старой верой... Казалось бы, какая разница: двумя ли, тремя перстами креститься, шесть или восемь иметь концов у креста, так или иначе читать молитву. Суть-то одна – вера в Создателя да любовь. Так откуда же столько ненависти? Борьба идей, самолюбий, принципов, своеволий. И как это всё знакомо... Нисколько не сомневалась в том, что, родись она в ту пору, сгорела бы вместе с раскольниками, потому как никогда не терпела над собой никакого насилия. В детстве, бывало, посмеет кто из мальчишек за косу дёрнуть – во что бы то ни стало догонит, вцепится в волосы обидчику как клещ и так отвалтузит... Характер ещё тот. Да и было в кого. У матери с отцом чуть не всякий день скандалы. Тоже каждый свою правду доказывал. Всего в детстве с сестрой насмотрелись. Отец только печкой мать не бил. На улице в тридцатиградусный мороз в одной ночной рубашке выгонял. А то ещё ружьём охотничьим целиться начнёт... И мать не отступит: плюёт ему прямо в лицо и вся аж трясётся от гнева. А они с сестрой, прижавшись к матери с двух сторон, зажимают ей ручонками рот, умоляя: «Молчи, мамочка! Убьёт он тебя!» Только где там... Хоть живём её на куски режь, последнее слово за ней будет. А когда

они с сестрой побольше стали, редко когда отец на мать кулаки поднимал. И особенно после одного случая. Ей было тогда лет двенадцать. Сцепились родители в драке, как кошка с собакой, – не разнять. У матери от ударов железных кулаков глаз синевой заплыл, у отца от её ногтей все лицо в крови. Не помня себя, схватила она раскалённую электроплитку, сооружённую отцом из алюминиевой собачьей миски со спиралью внутри, и давай ею всё в комнате крушить: «Вот вам! Вот вам!» Мать с отцом быстро унялись. Таращатся на неё испуганно, а подойти боятся. Треснули в серванте зеркала, рассыпалась на черепки любимая мамина керамическая посуда, с грохотом слетела со стола стеклянная ваза с цветами... И неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не задымилась кружевная скатерть. Кинулась Люба из дома в поле, забилась под скирду свежескошенного сена и дала волю слезам. Слышала, как истошно рыдала мать, как метался по полю отец. Кричал, звал её. Не отозвалась, не вышла из укрытия до самого утра...

Впереди, на горизонте, блеснуло ртутью озеро, засверкали оцинкованным железом обновлённые купола церкви и колокольни. Гордо выпрямились в полный рост каменные стены монастыря.

Метрах в трехстах от полуострова застыл на якоре небольшой двухпалубный теплоход. Отец Серафим говорил, что должно подойти на освящение судно с подростками из клуба юных моряков. Мол, хотят закрепить давнюю добрую традицию. Однако людей видно не было – судя по всему, служба уже началась. Только ошалело метнулись в сторону от спускающейся с неба рокошущей махины корова с телком. На минуту вертолёт завис над землей, едва касаясь колесами ровной опушки. Анатолий проворно выскочил из кабины, открыл задвижки прозрачных дверей, показал на пальцах, что прилетит часа через три, и снова запрыгнул на свое штурманское место. Сильным потоком воздуха их прижало к земле. Люба с Натальей с трудом удержали на головах панамки.

В домовую церковь сёстры вошли без отца Серафима. Он удалился в свою келью, чтобы переодеться. Вошли тихонько, друг за дружкой, на цыпочках. Люба так и застыла в дверях, наткнувшись на мимолётный, но очень цепкий взгляд незнакомого им священника. Её будто током пронзило: где она видела этого человека? Сконфузилась так, словно её прилюдно раздели донага и оставили у порога, не позволяя ступить дальше невидимой черты, начертанной этим быстрым, неприемлющим её, взглядом. Почувствовала, как горят, покрываясь бордовыми пятнами, лицо и шея. Почему он посмотрел на них так неприязненно? Никому не заказаны двери в святую обитель. Да и прихожан не ахти сколько. Другой бы радовался...

Украдкой обвела взглядом присутствующих. Трое мужчин в рабочей одежде, скорее всего трудники, две молодые девушки в платках, женщина лет пятидесяти с болезненно-жёлтым лицом. У окна – видный мужчина лет сорока в капитанской форме, рядом два подростка в тельняшках и белых парадных планках поверху. Руки парней то и дело тянулись к начищенным до блеска медным пряжкам ремней, но под пристальным взглядом священника тут же снова прятались за спины.

Ладно подростки, но она-то чего так испугалась? Вон Наталья прошла вперёд да и стоит себе – хоть бы что. Сухонькая, маленькая, похожая на ребёнка старушка, молящаяся рядом с Натальей, обернулась на Любу. От её сочувственного взгляда Любе сделалось совсем не по себе. Уж больно эта старушка была похожа на её соседку. Сталкиваясь с Любой на лестничной площадке, соседка – значительно старше Любы по возрасту – всякий раз услужливо уступала ей дорогу, прямо-таки вжимаясь спиной в облупившуюся стену подъезда. Сама Люба никогда не видела соседку пьяной, но слышала: попивает. Однажды она позвонила к Любе в дверь часов в пять утра и, трясая от испуга, будто по секрету произнесла:

– Ко мне в квартиру залез какой-то зверёк. Спать не даёт уж третью ночь. Прямо спасу от него нет...

– Какой зверёк? – спросила Люба.

– Не знаю, рыжий такой...

– Может, кошка?

– Да не-е-ет. Бегаёт по квартире и звуки такие странные... Даже жутко. А то ещё одеяло начнёт с меня стаскивать... Помогите, ради Бога, его выгнать.

Ну, дела! Не полтергейст же завёлся? Прямо заинтриговала... В квартире соседки осмотрела все углы – никого. Вопросительно взглянула на хозяйку квартиры. Та молча делала ей знаки, руками показывая на кровать. Странно, но постель была аккуратно заправлена стареньким плюшевым покрывалом. Не ложилась она, что ли? На кровати лежал красный полиэтиленовый пакет.

– А зверёк-то где?

– Тс-с! – прижала соседка палец к губам, зашептала: – Не видите, что ли? Вон, на кровати хвостом бьёт, сердится... Я его в пакет запихать хотела, да никак...

Рехнулась она, что ли? Или шуточки такие? Хотя какие там шутки! Лихорадит её и на слезах вся. Не иначе – белая горячка. Быстро сообразила, что нужно сделать. Подошла к кровати, ударила по покрывалу.

– А ну-ка, залезай в пакет! Ишь, разлёгся... И нечего добрых людей пугать!

Завязывая пакет, успокоила:

– Ну вот, бабуля, и всё, теперь спи спокойно. Унесу его на фабрику, там решим, что с ним дальше делать...

– Ой, милая, спасибо тебе. Извел, проклятый! Что только не вытворял... И откуда взялся-то, поганец? – соседка перекрестилась и торопливо захлопнула за ней дверь.

Кто знает, может, и эта вот девочка-старушка ищет в храме спасения захлебнувшейся в алкоголе души...

Искося взглянула на капитана. Ей всегда нравились люди в форме. Что ни говори, а как-то подтягивает, облагораживает... Какие у него мужественные черты лица!

Не успела подумать, как снова ожгло лицо и шею, словно кто прыснул муравьиной кислотой. Это священник опять зацепил взглядом. Он что, мысли чужие умеет читать? Смутилась, прижалась плечом к теплой, обитой узорными реечками стене. Попыталась вникнуть в то, что старался донести до прихожан его вкрадчивый голос.

– Сегодня мы празднуем день Святой Троицы. Святая Троица – Отец, Сын и Святой Дух – Един Бог, не три Бога, Един по Существованию, но Троичен в Лицах. Но потому как Бог исполнен любви и Сам есть Любовь, то Он преклоняется Миру и творит Мир, поэтому Священное Писание говорит: «В начале... Дух Божий носился над водою...»

И вдруг замолк. Бледное лицо пошло бордовыми пятнами. Слова забыл, что ли? В церкви воцарилась такая тишина, что было слышно, как на улице корова звенела привязанным к шее колокольчиком. Из-за двери, что вела к алтарю, донёсся чей-то взволнованный шёпот. Ему подсказывали!.. Наконец он справился с собой и заговорил быстрее, громче, словно хотел этим скрыть свою неуверенность. В чём дело? Почему их появление в церкви внесло такую смуту в его душу? Неужели, правда, где-то встречались? А взволнованный голос между тем будто уговаривал:

– Если Бог есть совершенная Любовь, то и мы должны в доступной нам мере проявлять Любовь к Самому Богу в творении его святых заповедей, в усердной молитве к Нему. Мы должны также проявлять любовь к тем, кто ближе всего к нам, и вообще ко всем, кому мы в состоянии чем-либо помочь и послужить...

Господи! Ему ли говорить про любовь?! Взглянет – будто ужалит... Что он опять замолчал-то? И снова возникла долгая, неловкая пауза. И снова взгляды молящихся в ожидании устремились на проповедника. Праздничное церковное облачение выгодно подчеркивало голубизну его красивых раскосых глаз. Но в этой голубизне не было теплоты. За кажущейся кротостью взгляда таилось такое... И никак было не освободиться от навязчивой мысли, что она

где-то уже встречалась с этим человеком. И даже голос его, грудной, убаюкивающий, был ей знаком. Хотя – откуда? Да и мало ли на свете похожих людей?

– Сегодня мы празднуем сошествие Святого Духа на Апостолов Христовых, которое сопровождалось слышимыми и видимыми знаками. Пресвятая Богородица вместе с Апостолами и некоторыми первыми последователями Христовыми сидели в горнице, молясь и ожидая обещанной нашим Господом Иисусом Христом Силы Свыше. Внезапно раздался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого.

Старушка рядом с Натальей снова обернулась, и Люба увидела слёзы на её морщинистом и очень детском лице. Неужели можно так искренне верить во всё это? Хотя, что тут удивительного? Если можно видеть на кровати несуществующего огненного зверька, то почему бы не верить в невидимого Духа Святого?.. Фу, какие кошунственные мысли!.. И чтобы избавиться от них, стала осторожно разглядывать помещение. В косых солнечных лучах янтарная вагонка отдавала золотом, и еще сильно пахло свежей сосной. На подоконниках стояли керамические вазочки с распутившимися берёзовыми ветками. Иконы скорее всего не старинные, а написанные современниками... Никак было не взять в толк, как, на какие средства создается все это в наши-то безрадостные дни. Работницы ее фабрики, обозленные и разуверившиеся во всём, торгуют на вокзале семечками... Вспомнила об этом и снова стало муторно на душе... А напевный голос, который так не вязался с этим отторгающим взглядом, всё вещал:

– И они получили дары Святого Духа. Самый первый дар был дар языков, а затем дар проповедовать Троицу Бога и Воскресение Господа нашего Иисуса Христа. Были ещё и особые дарования, свойственные древней Церкви: скажем, дар чудес. Даже тень проходящего Апостола Петра, когда она касалась какого-либо больного, исцеляла его.

Интересно... Даже тень исцеляла... Как это? Вот бы с ней произошло что-нибудь такое, что заставило бы окончательно поверить в то, что Бог есть, и никогда в этом больше не сомневаться. Только Бог-то себе цену знает. В поддавки не играет. Не приемлет «торгов»: ты докажи – и я поверю! Твоя воля: хочешь – верь, а хочешь – нет. Хотя... Однажды нечто очень странное произошло и в её жизни. Она суеверно никому никогда не рассказывала об этом, даже сестре и дочери. Это была их с Богом тайна...

...Случилось перед самым Новым годом. Вместо зарплаты выдали работникам фабрики изделия: бюстгальтеры, купальники, плавки. Торговать она не умела, да и стыдно ей, главному инженеру, на рынке стоять. Денег оставалось только на хлеб. Муж, Санька, давно глаз не казал. Занять больше не у кого. На рынок пошла не покупок ради, а так, прогуляться. Сколько можно одной дома сидеть? На прилавках перед Новым годом – глаза разбегаются. А на душе до того скверно, хоть волком вой. Подошла к ларьку, где продавали сыр. Свежий! Запах – аж слюнки текут и голова кружится. Но – увы и ах! – в кошельке последняя сотенная, не разбежишься. А так хочется! Господи, если Ты есть, сотвори чудо!.. Тут же себя одернула – нашла, о чем Бога просить! У людей настоящие беды и несчастья, а ей, видишь ли, сыра захотелось. Раз хочется – купи маленький кусочек. Не жалея, разменяй сотенную. А-а! Была не была! – решительно открыла кошелек. Что это? В отделении, где хранились визитки, – три купюры по десять тысяч! Откуда? Не может быть. И сотенная как лежала, так и лежит. Вот это сюрприз! Не удержалась, попросила взвесить полкило. Вот уж точно: «Вороне где-то Бог послал кусочек сыра...» Но все-таки откуда взялись эти деньги? Может, кто долг отдал?.. Да нет, вроде никто у нее уже давно не занимал, сама еле концы с концами сводит. Дочь Нина целую неделю в Петербурге, на учебе. Приезжает только на выходные. Подложить не могла. Милость Божья? Горько усмехнулась. Ну как же! По Божьему велению, по моему хотению... А на душе так тревожно стало. Скорее прочь с рынка, не глядя на соблазны. Пришла домой да с ходу в гостиную, как была – в пальто. Села на диван – не отдышаться, словно гнался за ней кто. На кошелек как на чёрта смотрит. Будь что будет. Загляну ещё разок. И заледенела: три новенькие купюры упрямо лежали в отделе визи-

ток! Никогда не крестилась, а тут... Откуда что и взялось. Чтобы унять нервную дрожь, приняла валерьянки. Не помогло. Тогда сонных капель наглоталась. Смориле. Но какая-то неясная тревога, даже страх, не оставляли ещё несколько дней. И самое главное, рассказать никому нельзя. Не поверят, чего доброго, на смех поднимут или, того хуже, подумают – умом тронулась. Да и внутренний голос подсказывал: «Молчи, Любушка! Молчи громче!» Так обычно шептала ей мать, когда в детстве от какой-нибудь маленькой удачи спирало дух и хотелось кричать на весь мир.

И ведь именно после этого стала почитать Библию. Но многое в ней казалось странным, спорным и непонятным. Вот, например: «А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас». Ну как это?! Простить того, кто ни за что ни про что плюёт тебе в лицо? Молиться за того, кто на твоих глазах зверски истязает невинного?.. Это никак не укладывалось в голове. Несколько раз перечитывала это место, а душой принять не могла, как, впрочем, не могла принять и саму действующую церковь. Войдешь – давит что-то и всё тут. Скорее выйти хочется. Вот и сегодня... И слова худого сказано не было, а она уже в голову вбила: не так, видите ли, на неё посмотрели! Хотя что там говорить. Ой, как чутка она на взгляды! Всякие ловила на себе: оценивающие, циничные, любопытные, высокомерные, манящие... Но так никто из мужчин на неё ещё никогда не смотрел – словно отталкивая взглядом...

А служба между тем подходила к концу, пелись последние молитвы. За деревянной резной дверью алтаря раздался чей-то приятный тенор. Кто бы это мог быть? Послушник? Да это, кажется, отец Серафим! Интересно, почему он не выходит? Увидеть бы его в рясе...

Прихожане по очереди стали подходить и целовать чашу с причастием. Она вопросительно взглянула на Наталью. Им-то что делать?.. И снова вся съёжилась под колкостью голубых глаз батюшки. Ноги сразу сделались ватными и будто приросли к полу. Сдвинуть её с места не смогла бы теперь никакая сила. А внутри всё взбунтовалось. Что ему от неё нужно? Ну, некрещёная... Ну, зашла сюда... Что, не имеет права? Отец Серафим предупредил бы, если нельзя, он ведь знает...

И тут бы взять и уйти, как это сделала Наталья, но Люба уже закусила удила: нет уж, теперь отстоит здесь до самого конца службы!

Последним причаститься подошёл капитан.

– Завтракал, сын мой? – глухо прозвучал взыскующий голос. А это-то при чём? Неужели голодному отправляться в такую дорогу? Часов шесть по озеру плыть, не меньше. Хорошо ещё, что погода тихая...

– Чай пил, святой отец.

Почему капитан смутился? Эка важность.

Священник будто только того и ждал.

– Ступай с Богом. Причащаются натошак. – Небрежно осенив капитана крестом, повернулся к ним атласной спиной и скрылся за дверью алтаря.

Только тут до неё дошло, почему утром отец Серафим отказался от завтрака. А им хоть бы слово сказал, хоть бы полнамёка. Сколько в нём всё-таки деликатности. Видел, что далеки они ещё от соблюдения религиозных обрядов, и не давил, не навязывал своего. А этот...

Взглянула на капитана. Умеет человек владеть собой! Завидное качество. Вот подошел к подоконнику, положил деньги на серебряный поднос. Засуетились и старушки, стали рыться в кошельках. У неё в кармане спортивного костюма тоже приготовлено... Положить не успела – в спину будто что острое вонзилось. Обернулась. Снова он! Что за наваждение? Вернулся посмотреть, сколько пожертвует? Ну как же! Старушки, небось, последнее несут. А тут баре с неба, можно сказать, свалились – могли бы и барана с собой прихватить.

Тряхнула головой, словно хотела скинуть с себя этот взгляд, поспешно вышла из церкви. Ну его!

Наталья сидела за деревянным столом, сколоченным на берегу ещё, наверное, до возрождения монастыря, скорее всего, туристами. Всё, что сооружалось руками трудников заново, отличалось ярко-жёлтым цветом, аккуратностью и мастерством. Здесь же доски были неотёсанными, посеребрившими от времени, с трухлявыми краями. Вкопанные и землю столбы позеленели от сырости.

На песке, недалеко от воды, с раскинутыми и стороны веслами грелась на солнце оранжевая шлюпка. В обрамлении зигзагообразного каната она чем-то напоминала кружевную детскую колыбель. Два спасательных круга, похожих на большие обручальные кольца, лежали на корме. Швартовочный канат, большим бантом украшавший нос шлюпки, тоже как бы подчёркивал этим важность предстоящей церемонии.

Слышно было, как глухо дышит в ожидании учебный теплоход. Мальчишки, их было около двадцати, облепив леера, разглядывали монастырь в бинокли. Белое судно на голубом зеркале воды смотрелось очень эффектно.

Вот к шлюпке подошли два паренька, которых она видела на службе. Сняв ботинки и засучив черные флотские брюки, они стали спускать шлюпку на воду. Но не отчалили, нетерпеливо поглядывали в сторону корпуса, где жила братия монастыря и где сейчас у крыльца о чем-то беседовал со священником капитан.

– Ребята, у вас сегодня освящение? – спросила Наталья.

– Сегодня, – откликнулись оба. Надо было видеть, сколько скрытой радости таили в себе их горящие глаза.

– И сразу отплываете обратно?

– Нет, сначала будет праздничный ужин, потом концерт у костра, – ответил тот, что постарше. – У нас, знаете, как парни на гитарах играют! Два месяца к этому дню готовились. Если останетесь, услышите.

Люба взглянула на небо в ту сторону, откуда медленно выворачивалась иссиня-чёрная туча. Солнце беспомощно цеплялось лучами за кудрявые головы сосен, но туча упрямо заглатывала его в свою хищную пасть. Не прилетит Анатолий за ними сегодня, придётся здесь ночевать. Наталья, небось, обрадуется: сама не своя до всякой романтики. А уж если ещё гитара, песни да костер – вообще туши фонарь! Её стихия.

Капитан вернулся быстро. И хоть всё так же приветливо улыбался им, чувствовалось, что чем-то сильно озабочен. Мальчишки тоже поняли это: примолкли и старательно заработали вёслами.

По тропинке от монастыря приближалась невысокая тёмная фигурка. В ней не сразу можно было признать отца Серафима. В черной рясе, с большим наперсным крестом на груди. Волосы покрыты черной плюшевой скуфьёй. И даже походка изменилась, стала более степенной, величественной.

– Пойдёмте, сестрицы, я вам наше подворье покажу. Любе вспомнилась его вчерашняя беседа с Анатолием: про то, где кабель приобрести можно, про электростанцию, какие-то запчасти, про строительство дороги к монастырю... Нормальный мужик. И даже по стопочке пропустить не отказался. Говорил о мирских делах так же упоённо, как и о духовном. И главное, свой в доску. А стоило облачиться в рясу – будто подменили. Нет, не принимает её душа чёрных одежд, и всё тут!

Когда поднялись на звонницу, неожиданно рядом, словно из воздуха, как привидение, возник голубоглазый священник. Не слышала, как следом шёл. Следит за ними, что ли?.. Как неприятно.

– Отче! Юнги просили судно освятить, – обращаясь к отцу Серафиму, заговорил он каким-то глухим напряженным голосом, – но я отказал. Капитан позавтракал с утра, пришлось отстранить от причастия. Приплывут в другой раз. Да еще собирались костер на берегу развести. Нечего святотатствовать. Отчаливают на Бесов Нос. Тут недалеко, успеют

до грозы... – и с вызовом посмотрел Любе прямо в глаза. Но она не отвела взгляда. И в тот же миг пронзило молнией небо и заскрежетало окрест. Тишина после грома показалась оглушительной. А судно уже снялось с якоря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.